

УДК-327-057.54

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-77-85

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ**

О. В. Онопко

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Донецкий национальный университет.
E-mail: onopko.oleg@gmail.com (ORCID:0000-0001-5569-8256).

Аннотация

Автором определены возможности применения теоретико-методологического аппарата критической геополитики для изучения внешнеполитической экспертизы. С этой целью было проведено исследование, в ходе которого обобщены и систематизированы ключевые взгляды учёных, специализирующихся в области критической геополитики, на проблемы внешнеполитической экспертизы; расширена и дополнена (в части видов геополитических историй) концепция критической геополитики Дж. О'Тоала; проанализировано значение внешнеполитической экспертизы на различных уровнях геополитического дискурса; предложено авторское определение и установлены особенности экспертного геополитического дискурса, определены его виды. В результате было обосновано, что внешнеполитическая экспертиза представляет собой организованную сетевым образом совокупность действующих лиц геополитического дискурса, в силу своего экспертного статуса имеющих возможность определяющим образом влиять на геополитические представления населения и акторов политики, а также на процесс выработки, принятия и реализации последними политических решений в сфере внешней политики, обороны и безопасности. Определено, что субъекты внешнеполитической экспертизы являются действующими лицами на всех основных уровнях геополитического дискурса, образуя его отдельное направление – экспертный геополитический дискурс. В рамках него они формируют как идейно-теоретические, концептуальные, так и прикладные и популярные геополитические представления, составляющие геополитические картины мира рядовых граждан и политической элиты.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза; критическая геополитика; геополитический дискурс; экспертный геополитический дискурс.

Внешнеполитическая экспертиза – один из компонентов политической системы, определяющим образом влияющих на выработку, принятие и реализацию решений по вопросам внешней политики, обороны и безопасности. Отдельные эксперты, аналитические центры, академические и исследовательские учреждения, специализирующиеся на вопросах внешней политики и международных отношений, не только консультируют политиков, партии, органы государственной власти и пр., сопровождают их деятельность своими оценками и рекомендациями, но и выступают в роли своеобразного «фильтра» информации о международной среде, происходящих в ней процессах и действующих лицах. С одной стороны, имея собственное видение международно-политической действительности, субъекты внешнеполитической экспертизы через свои заявления и интеллектуальные продукты (доклады, информационные справки, аналитические записки, научные и аналитические статьи и т.п.) способны навязывать свои геополитические представления акторам политики, побуждая их к проведению необходимых, по их мнению, мер. С другой стороны, используя свой экспертный статус, они способны распространять, обосновывать и оправдывать перед гражданами уже заранее заданные точки зрения, действуя в интересах власти или иных акторов и способствуя легитимации их внешнеполитического курса.

В этих условиях в политической науке возникает объективная и неотложная потребность в таких теоретико-методологических подходах и конкретных теориях, которые бы сместили исследовательский фокус с особенностей организации и функционирования внешнеполитической экспертизы (отдельных экспертных институтов или экспертного сообщества в целом) на те ценности, традиции, смыслы, образы, политические мифы и стереотипы, которыми оперируют её субъекты в своей дея-

тельности и распространяют как среди политической элиты, так и среди масс. Таким подходом, в частности, является критическая геополитика, объединяющая множество концепций и теорий, направленных на выявление специфики формирования геополитических представлений «посредством географического воображения и пространственных мифов – другими словами, под влиянием мира идеального» (Окунев, 2012: 152).

В современной отечественной и мировой политологии внешнеполитическая экспертиза уже давно стала традиционным объектом научных интересов. В России и на постсоветском пространстве её исследования начались ещё в 1980-х – начале 1990-х гг. в Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа МГИМО (ныне – Институт международных исследований) и ИМЭМО РАН, сформировав с тех пор небольшое, но вполне самостоятельное направление политической науки, к которому в настоящее время относятся работы А. Богатурова, И. Истомина, А. Макарычева, Е. Примакова, М. Хрусталёва и др. Примечательно, что в русском политологическом дискурсе категория «внешнеполитическая экспертиза» приобрела свои, несколько отличные от доминирующих в англоязычном, смыслы, означая не столько «компетентность» (Longhini, 2015; Miller, 1990) в сфере международных отношений, сколько, прежде всего, «экспертную деятельность», «процедуру» (Хрусталёв, 2008: 179; Войтоловский, 2016), а также «комплексную систему» (Макарычев, 1991: 8) институтов, занимающихся экспертным сопровождением внешней политики. На основании этого в российской политологии сложился целый ряд теоретико-методологических подходов к научному анализу внешнеполитической экспертизы, фокусирующихся на различных её аспектах, при этом основное внимание уделяется особенностям организации и проведения экспертных оценок внешней политики, кейс-стади отдельных экспертных институтов, проблемам сетевого взаимодействия аналитических центров и органов государственной власти, ответственных за выработку, принятие и реализацию внешнеполитических решений. К современным зарубежным политологическим исследованиям внешнеполитической экспертизы можно отнести работы П. Абба, Д. Абельсона, Г. Вярда, К. Доддса, А. Дэнхама, Х. Ли, Х. Ляо, Дж. МакГэнна, С. Маслоу, И. Пармар, П. Робертс, Д. Стоун, Р. Хигготта и др. Они имеют преимущественно прикладной характер, а основное внимание в них уделяется национальным особенностям экспертных сообществ, специфике влияния аналитических центров на внешнюю политику, их связям с политическими партиями, бизнесом, лоббистскими группами и т.д. Именно в западной политологии для объяснения особенностей внешнеполитической экспертизы, начиная с 1990-х гг., имели место успешные попытки применения различных теорий критической геополитики, к которым можно отнести исследования Дж. Агню, С. Дэлби, К.-Дж. Доддса, Ф. Келли, М. Куус, Дж. О’Тоала и др. В российской политологии к таким работам можно отнести исследования В. Багнюка, В. Колосова, А. Кучинова, О. Ляховенко, И. Окунева и др. Теоретико-методологические и практические результаты научных трудов, выполненных с использованием исследовательского аппарата критической геополитики, засвидетельствовали высокий эвристический потенциал данного подхода.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель определить возможности применения критической геополитики для изучения внешнеполитической экспертизы, что обусловило постановку и в последующем решение следующих исследовательских задач: были обобщены и систематизированы ключевые взгляды специализирующихся в области критической геополитики учёных на проблемы внешнеполитической экспертизы; расширена и дополнена (в части видов геополитических историй) концепция критической геополитики Дж. О’Тоала; проанализировано значение внешнеполитической экспертизы на различных уровнях геополитического дискурса; предложено авторское определение и установлены особенности экспертного геополитического дискурса, определены его виды.

Критическая геополитика и внешнеполитическая экспертиза

Внешнеполитическая экспертиза, её значение в формировании и развитии геополитических представлений, а также непосредственное влияние на внешнюю политику изначально были в фокусе внимания основоположников критической геополитики. Как отмечает британский политолог К.-Дж. Доддс, ещё в 1980-х – начале 1990-х гг. имели место первые попытки «исследовать роль интеллектуалов в области безопасности и внешнеполитических экспертов в формировании внешней политики» (Dodds, 1993: 70–71) с позиций критико-геополитического подхода.

По мнению Дж. О’Тоала, сама геополитика является продуктом внешнеполитической экспертизы, «европоцентричной и узкорациональной культурной практикой “экспертов” в влиятельных западных институтах (от университетов до военной бюрократии и стратегических “мозговых цен-

тров”)» (Tuathail, 1999: 108). Именно Дж. О’Тоал одним из первых поднял вопрос о роли внешнеполитических экспертов в геополитическом дискурсе. Вместе с Дж. Агню он объединил внешнеполитических экспертов и государственных специалистов в сфере внешней политики категорией «интеллектуалы государственного управления» (*«intellectuals of statecraft»*), при этом внутри данного сообщества были выделены определённые градации: «от тех, кто разрабатывает, формулирует и руководит внешней политикой сверху, до тех, кто фактически отвечает за осуществление определённой внешней политики и практику управления государством (будь то дипломатическое или военное) на повседневной основе»; в отдельную категорию учёные отнесли бывших высших чиновников, работавших в сфере внешней политики, а впоследствии ставших публичными экспертами, например, Г. Киссинджера и З. Бжезинского (Tuathail & Agnew, 1992).

Своё дальнейшее развитие критико-геополитический подход Дж. О’Тоала к внешнеполитической экспертизе получил в работах М. Колмана (Coleman, 2013), П. Куречича (Kurečić, 2015), М. Кууса (Kuus, 2008). В частности, последний отмечал, что «интеллектуалы государственного управления» рассказывают «доминирующую историю о месте нации в мире. Их круг устойчив, но не фиксирован. Большинство профессионалов геополитики работают в государственном аппарате, а также в университетах и аналитических центрах», при этом он полагал, что данные лица «не обязательно являются самыми информированными или самыми гибкими мыслителями, но они выступают как эксперты в публичных дебатах. Короче говоря, они являются привратниками кажущегося абстрактным и анархичным царства геополитики» (Kuus, 2008: 2064). Такая метафора очень точно отражает специфический статус экспертов в сфере международных отношений и внешней политики как действующих лиц геополитического дискурса, а также самой геополитики как совокупности сложнейших проблем безопасности, обороны, внешней политики, политической географии и т.п. При этом, развивая метафору М. Кууса, внешнеполитических экспертов можно считать не только «привратниками», но и «проводниками» в геополитику – область знания о действительности, которая воспринимается обывателями как нечто неизвестное, труднодостижимое, абстрактное и даже возвышенное.

В этом ключе своё основанное на теоретико-методологических принципах критической геополитики наименование внешнеполитическим экспертам, а также представителям медиа и органов государственной власти, занимающихся вопросами геополитики и внешней политики, дал К.-Дж. Доддс. Он ввёл в оборот политической науки термин «государственные привилегированные рассказчики» (*«state's privileged story tellers»*), объяснив это тем, что «те, кто комментируют внешнюю политику и международные дела, занимают привилегированное положение в обществе» (Dodds, 1993: 71). По К.-Дж. Доддсу, в основе такого положения лежит дискурсивная способность внешнеполитических экспертов «делать “разумные” заявления... Для многих наблюдателей это часть “само собой разумеющегося”. Истории внешнеполитических профессионалов (и ученых-экспертов), как и многие другие истории из повседневной жизни, рассматриваются как натурализованный дискурс, через который события “как бы рассказывают сами себя”» (Dodds, 1994: 195). В этом заключается ценность экспертных суждений о геополитике для различных политических кампаний, направленных на легитимацию или делегитимацию каких-либо внешнеполитических решений, – они зачастую по умолчанию воспринимаются массами как «объективная истина», как «независимые» оценки «авторитетных» специалистов в соответствующих сферах. Это позволяет внешнеполитической экспертизе прямо влиять на представления политиков, рядовых граждан, групп и институтов о международной среде, участвовать в формировании и развитии геополитического дискурса.

Внешнеполитическая экспертиза и геополитический дискурс

В критической геополитике не существует единого определения геополитического дискурса, более того, сам Дж. О’Тоал предпочитает использовать вместо него категорию «геополитические рассуждения» (*«geopolitical reasoning»*) для описания «пространственизации международной политики, возникающей в результате использования дискурсов во внешнеполитической практике» (Tuathail & Agnew, 1992: 202). Вместе с тем в отечественной науке есть очень удачное, по мнению автора, определение внешнеполитического дискурса, предложенное Я. Ярославцевой, согласно которому, последний представляет собой «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в сфере внешней политики государства, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учётом характеристик и намерений коммуникантов. При этом основными целями процесса являются борьба за власть на мировой арене, а также за-

щита национальных интересов» (Ярославцева, 2015). Исходя из такого подхода к внешнеполитическому дискурсу, геополитический можно определить как его фундаментальное – пространственное – измерение, на смыслах, категориях, символах и знаках которого основываются все остальные (например, военное, дипломатическое, идеологическое, экономическое, экологическое, информационное и др.).

Геополитический дискурс содержит важнейшие представления о международно-политической действительности, которые формируют геополитическое видение (геополитическую картину) мира различных групп людей и состоит из множества «сюжетов – геополитических историй («*geopolitical storylines*»), формируемых элитами для обоснования своей политики» (Колосов, 2011: 38). Автор предлагает разделить геополитические истории (нарративы) на два вида:

1. Геополитические нарративы, связанные с вопросами, относящимися к внешнеполитической программе (Хрусталева, 2008: 33) государства: его национальным интересам, внешнеполитической истории, стратегии и идеологии, целям и ресурсам внешней политики. Например, для геополитического дискурса США такими геополитическими нарративами могут быть сюжеты о выборе страны между изоляционизмом и интервенционализмом, для России – об истории российско-европейских отношений, для Украины – о «борьбе за независимость» и т.п.

2. Нарративы геополитической практики, которые представляют собой сюжеты в рамках геополитического дискурса, повествующие о текущих особенностях реализации государством своей внешней политики. В них рассматривается её эффективность, соответствие национальным интересам, идеологии, ценностям и традициям, нормам международного права, «справедливости», «правде» и др. Примерами таких геополитических нарративов в России могут считаться сюжеты о специальной военной операции на Украине или участии в конфликте в Сирии, в США – о текущих отношениях с ЕС или Китаем, в Финляндии и Швеции – о возможном присоединении к НАТО и т.п.

Геополитические нарративы в рамках геополитического дискурса могут иметь разные трактовки – скрипты (Колосов, 2008: 38), – которые определяются идеологическими, конфессиональными, социокультурными, социально-классовыми и другими особенностями различных групп общества. Каждый скрипт, в свою очередь, основывается на речевых действиях и «речевых взаимодействиях говорящего и слушающего для достижения определённых перлокутивных целей говорящего путём конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения» (Шевченко, 2007: 73). Таким образом, происходит целенаправленное воздействие на чувства и мысли людей, воспринимающих речь, в результате чего ими усваиваются определённые геополитические представления. Последние создаются и распространяются различными действующими лицами геополитического дискурса: органами государственной власти и местного самоуправления, политическими партиями и СМИ, корпорациями и общественными организациями, аналитическими центрами, отдельными политиками и экспертами, журналистами и блогерами, гражданскими активистами и рядовыми гражданами и др.

Для того чтобы упорядочить и систематизировать это многообразие действующих лиц геополитического дискурса и дискурсивных практик, в которых эти лица участвуют, автор предлагает подход, применяемый Дж. О’Тоалом для анализа геополитики, согласно которому выделяются такие её «типы»: формальная («высокая»), практическая и популярная («низкая») (Tuathail, 1999: 111). Такое разделение не только отражает области критико-геополитических исследований геополитики, но и может соответствовать основным уровням геополитического дискурса. На каждом из них внешнеполитическая экспертиза имеет своё особое значение. В геополитическом дискурсе она выступает как совокупность взаимосвязанных действующих лиц (персон, групп и институтов), участвующих в анализе и оценивании международно-политической действительности, а также решений, принимаемых и реализуемых в сфере внешней политики и международных отношений, предоставлении рекомендаций по поводу них акторам политики. Исходя из этого, можно говорить о следующих уровнях геополитического дискурса:

«Высокий» уровень геополитического дискурса, соответствующий формальной геополитике, которая «обычно считается “геополитической мыслью” или “геополитической традицией”. Это проблема интеллектуалов, институтов и сил, формирующих геополитическую мысль в определённых местах и контекстах» (Tuathail, 1999: 109–110). Фактически это тот уровень, на котором объектами дискурсивных практик являются геополитические концепции, теории, научные разработки фундаментальной геополитики. Из этого следует, что главными действующими лицами на нём выступают как независимые учёные, так и их профессиональные объединения и ассоциации, научно-исследовательские институты, академические учреждения, специализирующиеся на вопросах внешней политики и международных отношений. Например, если речь идёт о «высоком» геополитическом

дискурсе Украины, то к таким действующим лицам можно отнести как исторических, так и современных представителей украинской геополитической мысли: В. Горбулина, М. Грушевского, В. Манжолу, Н. Михновского и др., а среди объединений и институтов – Украинскую ассоциацию политологов и Ассоциацию политических наук Украины, Национальный институт стратегических исследований (НИСИ), Дипломатическую академию им. Г. Удовенко, Киевский институт международных отношений и др. С одной стороны, геополитические представления о международно-политической действительности, сформированные данными персонами и структурами, служат символической, концептуальной, идейно-теоретической и порой идеологической основой для современной украинской внешнеполитической экспертизы. С другой стороны, сами действующие лица формального геополитического дискурса могут осуществлять экспертизу вопросов внешней и военной политики, политики безопасности, а их труды по геополитике могут иметь не только научно-теоретическое, но и прикладное – экспертное – значение в случае, если в них содержатся рекомендации по коррекции внешнеполитического курса государства. Примером последнего служат монографии НИСИ, посвящённые фундаментальным проблемам внешней политики Украины. В частности, одна из них, выпущенная в 2017 г. «Мировая гибридная война: украинский фронт» (Світова гібридна..., 2017), оказала определяющее влияние на взгляды администрации президента Украины П. Порошенко, который неоднократно публично позиционировал своё государство как «щит Европы»¹, один из «фронтов мировой гибридной войны»².

Практический уровень геополитического дискурса объединяет дискурсивные практики, цель которых в простой и понятной форме «определить государственные интересы, возможные внешние угрозы и сформулировать принципы [внешней] политики, направленной на их предотвращение и обеспечение интересов» (Колосов, 2011: 35). Этот уровень связан с текущей внешней политикой государства и находит отражение в нормативных правовых актах, политических документах (концепциях, программах, стратегиях, доктринах внешней политики), заявлениях органов государственной власти и местного самоуправления, политиков, журналистов и других действующих лиц, в т.ч. отдельных экспертов и экспертных структур. К последним можно отнести неинституционализированные экспертные группы (например, Платформа Geostrategy), неправительственные некоммерческие аналитические центры (Центр Разумкова, Институт мировой политики), частные консалтинговые компании (Defence Express, Центр военно-правовых исследований), академические аналитические центры, не ориентированные на фундаментальную науку (Центр международной безопасности и партнёрства, Центр исследований региональной безопасности), структурные подразделения государственных органов, занимающиеся внешнеполитической экспертизой (Информационно-аналитический центр Совета национальной безопасности и обороны, Директорат по внешней политике и стратегическому партнёрству Офиса президента Украины) и др. Данные структуры, а также отдельные эксперты транслируют свои геополитические представления акторам политики через аналитические доклады, записки, отчёты и т.п., публичные и непубличные консультации, публикации и выступления в СМИ, блогах, мессенджерах. Они оказывают воздействие на видение мира акторами политики, которые, в свою очередь, формируют с его учётом институциональную среду (Патрушев, 2001: 152) внешней политики государства.

«Низкий» уровень геополитического дискурса связан с массовым политическим сознанием. На нём формируется национальная и гражданская идентичности населения (Колосов, 2011: 39). Это происходит в процессе политической социализации граждан через усвоение ими геополитических представлений, транслируемых акторами политики, экспертами, СМИ и другими действующими лицами геополитического дискурса. Определяющее значение здесь имеет наглядно-образное и чувственно-эмоциональное восприятие международно-политической действительности, которое обеспечивается политическими мифами и стереотипами. В этих условиях внешнеполитические эксперты и экспертные структуры могут участвовать как в демифологизации геополитических представлений населения, рационализируя его восприятие внешней политики государства и международных процессов, так и, наоборот, в их мифологизации. Содействие экспертами или лицами, позиционирующими себя таковыми, возникновению, распространению и укоренению в массовом сознании политических

¹ Порошенко назвал Украину щитом Европы. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/news-43095929> (дата обращения: 30.03.2022).

² Росія розпочинає Світову гібридну війну: промова Порошенка в Мюнхені. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/articles/2018/02/17/7077658/> (дата обращения: 30.03.2022).

мифов является признаком внешнеполитической псевдоэкспертизы, при которой публично высказанные экспертные оценки международно-политической действительности даются лишь с целью обоснования, оправдания и легитимации заранее заданной точки зрения, «а иногда уже принятого политического решения» (Богатуров и др., 2002: 97). Примерами такого влияния внешнеполитических экспертов на массовое сознание, в частности граждан Украины, являются многочисленные комментарии украинских политологов, распространяющие и подкрепляющие политические мифы «о российской агрессии»³, «о гибридной войне»⁴, «об оккупации Крыма»⁵ и т.п.

Оказывая значительное влияние на геополитический дискурс на всех его основных уровнях, внешнеполитическая экспертиза формирует его особое направление. Автор предлагает обозначить его как экспертный геополитический дискурс – совокупность связанных с геополитическими представлениями целенаправленных речевых действий и взаимодействий, главными участниками которых являются отдельные эксперты и экспертные структуры, специализирующиеся на вопросах международных отношений, внешней политики, национальной безопасности и обороны, а также экспертное сообщество в целом. Кроме того, действующими лицами экспертного геополитического дискурса могут выступать аналитические СМИ и телеграмм-каналы, если речь идёт о редакционных публикациях, сюжетах, постах и т.п.

На основании предложенной М. Хрусталёвым типологии экспертов-политологов (Хрусталёв, 2008: 187), автор выделяет следующие виды экспертного геополитического дискурса, в зависимости от объектов внешнеполитической экспертизы:

– футуристический дискурс, основу которого составляют экспертные оценки и прогнозы вариантов развития человечества, международной системы и геополитических отношений в будущем. Геополитическая картина мира в данном типе дискурса перспективна: она опирается на геополитические представления о существующей международно-политической действительности и создаёт на их основании новые, из которых конструирует образ геополитического будущего;

– глобалистический дискурс, состоящий преимущественно из экспертных оценок глобализации, глобальных проблем человечества, а также связанных с ними геополитических процессов и явлений;

– регионоведческий дискурс, в рамках которого экспертами обсуждаются геополитические процессы в группах стран мира (Центральная Азия, Восточная Европа, Латинская Америка, Дальний Восток и т.п.);

– страноведческий дискурс, в рамках которого экспертами обсуждаются геополитические проблемы двухсторонних отношений с другими государствами, а также геополитические аспекты их внутренней политики.

– общий дискурс, содержащий экспертные оценки важнейших геополитических проблем формирования и реализации внешнеполитического курса страны, внешнеполитического целеполагания, артикуляции национальных интересов, формулирования концептуальных оснований внешнеполитической идеологии, геостратегии;

– проблемный дискурс, в рамках которого экспертами обсуждаются геополитические аспекты ключевых практических вопросов внешней политики: разрешения международных кризисов, организации внешнеэкономической деятельности, решения конкретных проблем обороны и безопасности и т.п.

³ Російська агресія: «передиска» тривала рівно один день. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-politics/3406394-rosijska-agresia-perediska-trivala-rivno-odin-den.html> (дата обращения: 31.03.2022); Експерти презентували дослідження про політичну агресію Росії в ОРДЛО. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3391708-eksperti-prezentuvali-doslidzenna-pro-politichnu-agresiu-rosii-v-ordlo.html> (дата обращения: 31.03.2022).

⁴ Росія почала нову фазу гібридної агресії проти Заходу та України: аналітики про стримування Кремля. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/analitiku-pro-reaktsiyu-zakhodu-ta-strymuvannya-kremlya/31562135.html> (дата обращения: 31.03.2022); Гібридна війна РФ проти України фактично почалася 2008 року – експерт. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/2836773-gibridna-vijna-rf-proti-ukraini-fakticno-pocalasa-2008-roku-ekspert.html> (дата обращения: 31.03.2022).

⁵ Населення Криму за час окупації збільшилося на мільйон шляхом міграції з РФ – експерт. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-crimea/3275065-naselenna-krimu-za-cas-okupacii-zbilsilosa-na-miljon-slahom-migracii-z-rf-ekspert.html> (дата обращения: 31.03.2022); Керченський міст дозволяє окупантам обслуговувати ядерну зброю в Криму – експерт. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-crimea/2749238-kercenskij-mist-dozvolae-okupantam-obslugovuvati-adernu-zbrou-v-krimu-ekspert.html> (дата обращения: 31.03.2022).

Заключение

В современной политической науке критическая геополитика представляет собой полностью сформировавшийся, целостный теоретико-методологический подход, направленный на изучение геополитических представлений людей, а также геополитического дискурса, в рамках которого эти представления формируются, распространяются и синтезируются в геополитическую картину мира. С самого возникновения данного подхода в западной политологии выполненные с его использованием научные работы уделяют существенное внимание исследованию статуса экспертов, экспертного сообщества и в целом института внешнеполитической экспертизы в геополитическом дискурсе. При этом в российской политологии критико-геополитический подход к внешнеполитической экспертизе несправедливо не получил распространения.

Геополитический дискурс, будучи пространственным измерением внешнеполитического, объединяет различные геополитические нарративы, связанные с внешнеполитической программой государства и его текущей внешнеполитической практикой. Эти нарративы имеют множество сюжетов-скриптов, которые создаются действующими лицами геополитического дискурса, в т.ч. экспертами и экспертными структурами (аналитическими центрами, компаниями, госучреждениями и т.п.), занимающимися вопросами внешней политики и международных отношений.

С позиций критической геополитики внешнеполитическая экспертиза может быть определена как организованная сетевым образом совокупность действующих лиц геополитического дискурса, в силу своего экспертного статуса имеющих возможность определяющим образом влиять на геополитические представления населения и акторов политики, а также на процесс выработки, принятия и реализации последними политических решений в сфере внешней политики, обороны и безопасности. При этом в основе данного статуса лежит иррациональная вера в то, что эксперты и экспертные структуры являются носителями «объективно истинного» знания о международно-политической действительности, а также понимают происходящее в ней якобы лучше остальных.

Внешнеполитическая экспертиза представлена на всех уровнях геополитического дискурса. Благодаря этому она способна формировать как идейно-теоретические, концептуальные, так и прикладные и популярные геополитические представления. В этих условиях для понимания степени влияния внешнеполитической экспертизы на политическую систему необходимо изучение национальной геополитической мысли, практических рекомендаций экспертов и экспертных структур органам государственной власти и местного самоуправления, нормативных правовых и доктринальных документов, а также геополитических мифов и стереотипов, распространяемых среди населения через средства массовой коммуникации и информации.

Дальнейшее применение критико-геополитического подхода в исследованиях внешнеполитической экспертизы может привести к ряду позитивных последствий для отечественной политической науки и практики:

- появится возможность сместить основной фокус в современных исследованиях внешнеполитической экспертизы с её отдельных институтов, их организационной и функциональной специфики на дискурсивные практики, в которых они участвуют, каналы политической коммуникации, используемые ими, а также геополитические представления, которые они разделяют, формируют и распространяют среди населения и политической элиты;

- изучение геополитических картин мира отдельных внешнеполитических экспертов и экспертных структур традиционными для критической геополитики методами (в первую очередь с помощью дискурс-анализа, контент-анализа, политико-семантического анализа) будет содействовать более глубокому пониманию аксиологических, идеологических, мифологических и иных оснований предоставляемых ими рекомендаций, установлению проявлений внешнеполитической псевдоэкспертизы;

- анализ скриптов геополитических историй, господствующих в экспертных геополитических дискурсах враждебных России государств, будет способствовать повышению качества понимания мотивов, причин и интенций их действий против российских национальных интересов.

Список литературы / References

- Богатуров, А. Д., Косолапов, Н. А., Хрусталёв, М. А. (2002) *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. Москва: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям, [Bogaturov, A. D., Kosolapov, N. A., Khrustalev, M. A. (2002) *Essays on the theory and political analysis of international relations* [Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii]. Moscow: Nauchno-obrazovatel. forum po mezhdunar. Otnosheniyam. (In Russ.)].
- Войтоловский, Ф. Г. (2016) *Тенденции развития глобального рынка внешнеполитической экспертизы: Тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 13 апреля 2016 г.* [электронное издание]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/13042016/13042016-TEZ-SC.pdf> (дата обращения: 01.11.2021). [Voitolovskii, F. G. (2016) 'Trends in the development of the global market of foreign policy expertise: Abstract of the report for the meeting of the Academic Council of the IMEMO RAS on April 13, 2016' [Tendentsii razvitiya global'nogo rynka vneshnepoliticheskoi ekspertizy: Tezisy doklada k zasedaniyu Uchenogo soveta IMEMO RAN 13 aprelya 2016 g.] [online]. Available at: URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/13042016/13042016-TEZ-SC.pdf> (Accessed: 01.11.2021) (In Russ.)].
- Колосов, В. А. (2011) 'Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России', *Политическая наука*, 4, сс. 31–52. [Kolosov, V. A. (2011) 'Critical geopolitics: main concepts and field experience in Russia' [Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii], *Political science*, 4, pp. 31–52. (In Russ.)].
- Макарычев, А. С. (1991) Экспертное обеспечение латиноамериканского курса США (период президентства Р. Рейгана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород. [Makarychev, A. S. (1991) 'Expert support of the US Latin American course (R. Reagan's presidency)' [Ekspertnoe obespechenie latinoamerikanskogo kursa SShA (period prezidentstva R. Reigana)]. Cand. Sc. Diss. (Hist.). Nizhny Novgorod. (In Russ.)].
- Окунев, И. Ю. (2012) 'Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики', *Культурная и гуманитарная география*, 1(2), сс. 152–158. [Okunev, I. Yu. (2012) 'Critical geopolitics and post-critical shift in geopolitical research paradigm' [Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskii sdivig v issledovatel'skoi paradigme geopolitiki], *Cultural Geography & Geohumanities*, 1(2), pp. 152–158. (In Russ.)].
- Патрушев, С. В. (2001) 'Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы', *Политическая наука*, 2, сс. 149–189. [Patrushev, S. V. (2001) 'Institutionalism in political science: stages, trends, ideas and problems' [Institutsionalizm v politicheskoi nauke: etapy, techeniya, idei, problemy], *Political science*, 2, pp. 149–189. (In Russ.)].
- Світова гібридна війна: український фронт* (2017). Київ: НІСД. [World Hybrid War: Ukrainian Front (2017) [Svitova gibrydna vijna: ukrai'ns'kyj front]. Kiev: NISS. (In Ukr.)].
- Хрусталёв, М. А. (2018) *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии*. Москва: МГИМО-НОФМО. [Khrustalev, M. A. (2018) *Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology* [Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii]. Moscow: MGIMO-NOFMO. (In Russ.)].
- Шевченко, И. С. (2007) 'Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход', *Тверской лингвистический меридиан*, 7, сс. 69–80. [Shevchenko, I. S. (2007) 'Speech act as a unit of discourse: a cognitive-pragmatic approach' [Rechevoi akt kak edinitza diskursa: kognitivno-pragmaticheskii podkhod], *Tver linguistic meridian*, 7, pp. 69–80. (In Russ.)].
- Ярославцева Я. А. (2015) 'Специфика внешнеполитического дискурса', *Филология и культура*, 4(42), сс. 185–191. [Yaroslavtseva, Ya. A. (2015) 'Specificity of foreign policy discourse' [Spetsifika vneshnepoliticheskogo diskursa], *Philology and Culture*, 4(42), pp. 185–191. (In Russ.)].

- ka vneshnepoliticheskogo diskursa], *Philology and Culture*, 4(42), pp. 185–191 [In Russ.].
- Coleman, M. (2013) 'Intellectuals of statecraft', *The Ashgate Research Companion to Critical Geopolitics*, pp. 493–508.
- Dodds, K.-J. (1993) 'Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy', *Area*, 25(1), pp. 70–74.
- Dodds, K.-J. (1994) 'Geopolitics and foreign policy: recent developments in Anglo-American political geography and international relations', *Progress in Human Geography*, 18(2), pp. 186–208. DOI: 10.1177/030913259401800204.
- Kurečić, P. (2015) 'Identity and Discourse in Critical Geopolitics: A Framework for Analysis', *Society & Technology Book of Papers*, 2, pp. 1–22.
- Kuus, M. (2008) 'Professionals of Geopolitics: Agency in International Politics', *Geography Compass*, 2(6), pp. 2062–2079. DOI:10.1111/j.1749-8198.2008.00172.x.
- Longhini, A. (2015) 'Institutionalization of Foreign Policy Think Tanks in Italy and in the UK: An Explanatory Framework', *Central European Journal of Public Policy*, 9(2), pp. 96–108. DOI: 10.1515/cejpp-2016-0014.
- Miller, L. B. (1990) 'American foreign policy: beyond containment?', *International Affairs*, 66(2), pp. 313–324. DOI: 10.2307/2621336.
- Tuathail, G. Ó. (1999) 'Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society', *The Journal of Strategic Studies*, 22, pp. 107–124. DOI: 10.1080/01402399908437756.
- Tuathail, G. Ó., Agnew, J. (1992) 'Geopolitics and discourse', *Political Geography*, 11(2), pp. 190–204. DOI:10.1016/0962-6298(92)90048-x.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 12.07.2022

Статья принята к печати: 14.07.2022

FOREIGN POLICY EXPERTISE: THE RESEARCH POTENTIAL OF CRITICAL GEOPOLITICS

O. V. Onopko

O. V. Onopko, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Donetsk National University.
E-mail: onopko.oleg@gmail.com (ORCID: 0000-0001-5569-8256).

Abstract

The author determines the possibilities of using the theoretical and methodological apparatus of critical geopolitics to study foreign policy expertise. Accordingly, the key views of scientists specializing in the field of critical geopolitics on the problems of foreign policy expertise were summarized and systematized; the concept of critical geopolitics by G. O'Tuathail was expanded and supplemented; the significance of foreign policy expertise at various levels of geopolitical discourse was analyzed; the author's definition was proposed and the features of expert geopolitical discourse were established, its types determined. Consequently, it was substantiated that foreign policy expertise may be a network-organized set of actors in geopolitical discourse. By virtue of their expert status, they have the ability to decisively influence the geopolitical ideas of the population and political actors, alongside the process of the political decision-making process in the field of foreign policy, defense and security. The study determined that the subjects of foreign policy expertise act at all major levels of geopolitical discourse, forming its separate direction – expert geopolitical discourse. Within its framework, they form both ideological and theoretical, conceptual, as well as applied and popular geopolitical ideas that make up the geopolitical pictures of the world of ordinary citizens and the political elite.

Keywords: foreign policy expertise; critical geopolitics; geopolitical discourse; expert geopolitical discourse.